

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.25587/2782-4861-2026-1-173-176

РЕЦ. НА КНИГУ: Давлетшина Л.Х. От Алып до шурале. Таинственные персонажи татарской мифологии: КоЛибри, АЗБУКА; Москва; 2025. 184 с.

Ф. Ф. Гилемшин

Институт языка, литературы и искусства им Г. Ибрагимова, АН Республики Татарстан,
Казань, Россия
e-mail: fler.gilemshin@yandex.ru

Рецензируемое издание посвящено системному описанию состава персонажей татарской мифологии и, прежде всего, сферы низшей мифологии (народной демонологии) как наиболее «живого» и методологически показательного пласта традиционной картины мира.

В современных гуманитарных исследованиях именно демонологические представления – в силу их включённости в повседневные практики, регламентацию поведения и семиотику пространства (дом, порог, дорога, лес и т. п.) – сохраняют высокую устойчивость и одновременно отчетливо отражают культурные трансформации; поэтому их изучение остаётся необходимым условием реконструкции мифологического сознания и его современных форм. На этом фоне книга Л. Х. Давлетшиной «От Алып до Шурале. Таинственные персонажи татарской мифологии» (КоЛибри; Издательство АЗБУКА, 2025. 184 с.) представляет собой значимый опыт научно корректной систематизации материала в популярном формате.

Принципиально важно, что издание следует ключевым методологическим установкам фольклористики в описании мифологических персонажей: персонаж рассматривается не как «сюжетный герой», а как элемент системы представлений, распознаваемый через устойчивый комплекс параметров (номинации и варианты имен, признаки и внешний облик, локусы и условия появления, характерные действия и функции, формы взаимодействия человека с персонажем и способы защиты/предосторожности). Организация основных разделов по словарному принципу позволяет выстроить целостную «карту» персонажной системы: наряду с общеизвестными образами представлены менее известные и реже актуализируемые персонажи, что расширяет представление о реальном диапазоне демонологической номенклатуры и предотвращает её редукцию до нескольких «канонических» фигур.

Структура книги включает предисловие и вводный блок (о татарах и тюркском контексте; о тенгрианстве; о сотворении мира; о легендарном первопредке), а затем три крупные части, выстроенные по словарно-систематизирующему принципу: «Хозяева и покровители», «Вредоносные и нейтральные духи», «Мифологизированные предметы и объекты». Именно этот словарный принцип организации основных разделов позволяет не только представить «яркие» фигуры, известные массовому читателю (например, Шурале, Аждаха, Бичура), но и выстроить систему персонажей, где рядом с распространёнными образами присутствуют менее известные и реже актуализируемые персонажи – в частности, Дию и Йилбегэн включены как самостоятельные единицы во второй части. С научной точки зрения это особенно ценно: популярные изложения татарской мифологии часто «канонизируют» ограниченный набор образов, тогда как словарная модель фиксирует реальный диапазон демонологической номенклатуры и тем самым препятствует упрощению традиции до нескольких «символов».

Материал в отдельных статьях подаётся в соответствии с той самой общепринятой схемой описания персонажа. Показателен уже один из первых очерков первой части – «Йорт иясе». Здесь задана номинация и перевод («хозяин дома»), определён статус духа-хозяина и его функция сопровождения семьи, выделены ипостаси (невидимая, антропоморфная, зооморфная), перечислены характерные признаки и формы проявления (шумы, «звуки» как предвестники благополучия или беды), а также обозначены локусы пребывания в доме (печь, чердак, подпол, порог) и их семантика как «сакрально маркированных» мест, соотнесённых с символикой границы и с представлениями о предках. Такой способ описания демонстрирует научно корректное соединение «портретных» характеристик и функционально-пространственного анализа: персонаж показан не как «история», а как элемент традиционной модели мира, привязанный к определённым зонам дома и к нормативным ожиданиям поведения. Все это соответствует базовому принципу современных исследований низшей мифологии: идентификация персонажа строится через устойчивый набор признаков и функций, а не через единичный сюжет.

Во второй части исследуются коллективные страхи людей и их воплощение в мифах. Анализируя особенностей духов, в книге воссоздается система запретов и правил, которая регулировала поведение человека в природе. Автор подчеркивает важный нюанс: враждебность этих существ не абсолютна, а часто спровоцирована самим человеком, преступившим древние законы природы. Таким образом, мифология раскрывается как экологическое мировоззрение, где духи – силы природы, требующие уважения и равновесия.

Отдельного внимания заслуживает третья часть книги – о мифологизированных предметах и объектах (волосы, ворота, дверь, дорога, матица, ногти, нож, окно, печь, подкова, хлеб). Включение «вещной» сферы принципиально усиливает научную состоятельность книги: демонологическая система в живой традиции не исчерпывается антропо- и зооморфными духами, она встроена в предметный и пространственный порядок повседневности, где «пороговые» объекты и защитные предметы выступают медиаторами между мирами и апотропеическими инструментами. Фактически, такой ход сближает книгу с современными направлениями изучения мифологической картины мира, где предмет и локус рассматриваются как носители мифологической семантики наравне с персонажами.

Книга убедительно демонстрирует связь словарного описания с живой нарративной средой: в ряде статей приводятся фольклорные сюжеты, изречения, тексты на татарском языке, что одновременно выполняет функцию источниковой «проверки» образа и сохраняет жанровое ощущение традиции. Так, в очерке о Шурале представлены как типовые мотивы и «объяснительные» сюжеты (история о том, как человек перехитрил Шурале, защебив ему пальцы, и происхождение формулы «Былыр кысты»)¹, так и наблюдения о поведенческих моделях персонажа (ночные проказы, скачки на лошадях) – с ясной демонстрацией того, что образ в традиции

¹ Давлетшина Л.Х. *От Алып до шурале. Таинственные персонажи татарской мифологии*. Москва: КоЛибри, АЗБУКА; 2025: С. 160.

многовариантен и не сводится к одной роли. В той же статье последовательно раскрывается «портрет» персонажа (включая внешние признаки и вариативность описаний) и, что особенно важно в контексте заявленной современности, показана трансформация образа в новейшей культуре: Шурале интерпретируется как символ природы и экологического баланса, как метафора страхов, как герой ироничных и философских сюжетов и как элемент массовой культуры и «национального бренда», связывающего прошлое и настоящее. Этот аспект существенно расширяет научную перспективу книги: автор фиксирует не только традиционное бытование персонажа, но и его вторичную культурную жизнь, что соответствует современным подходам к мифологическим образам как к динамическим культурным кодам.

Важным достоинством является то, что описания неоднократно выводят читателя к нормативно-практическому измерению верований: демонологические представления показаны через действия защиты, запреты, предписания и «рецепты» взаимодействия. Показателен эпизод в материале об Уряке, где звучит совет положить под подушку нож «от нечистой силы», а затем приводится предписание ритуального действия (обращение к беспокойному духу и использование осиновой ветки). Для научного чтения это важно по двум причинам: во-первых, демонстрируется прагматика верований (как именно они включены в повседневность), во-вторых, подтверждается, что низшая мифология – это не только «тексты о духах», но и комплекс практик, в которых персонаж получает свою «актуальность» и опознаваемость.

Говоря о научной культуре издания, следует отметить наличие раздела «Источники» и примечаний. Даже при популярном характере книги, аппарат ориентирован на академическую традицию: в перечне источников представлены как классические работы по татарской мифологии и ранним фиксациям, так и современные региональные исследования и словарно-энциклопедические издания; среди них, в частности, указаны «Мифология казанских татар»² Я. Д. Коблова, «Мифологический словарь алтайцев»³ Н.Р. Ойноткиновой, энциклопедии «Мифы народов мира»⁴ и др. Присутствие именно таких ориентиров важно и для читателя, и для научной оценки книги: автор демонстрирует включённость в сравнительно-типологическую и словарно-энциклопедическую линию описания мифологических систем, где цель состоит в верифицируемой систематизации, а не в произвольном пересказе «занимательных» сюжетов.

При всей очевидной сильной стороне – научно выверенной системности и удачно выбранной словарной модели, – книга как издание для широкой аудитории местами неизбежно сглаживает различия жанровых источников и степень архаичности/актуальности отдельных признаков. Потенциальным направлением усиления научной строгости могло бы стать жанровое маркирование ключевых мотивов и свидетельств (условно: «быличка/поверье/предание», «ритуальная мотивировка», «современная интерпретация») хотя бы в наиболее дискуссионных местах, где образ разветвляется на несколько вариантов. Такое уточнение повысило бы прозрачность источникового слоя, не разрушая популярного формата. Вместе с тем следует подчеркнуть, что уже реализованная в книге схема – с фиксацией номинаций, ипостасей, признаков, локусов, функций и способов взаимодействия – сама по себе задаёт необходимый уровень научной дисциплины описания и соответствует общепринятым принципам исследования персонажей низшей мифологии как целостной системы.

В целом «От Алып до шурале» представляет собой удачный пример научно-популярного издания, где методологические установки академической фольклористики не декларируются отвлечённо, а реально работают на структуру и логику подачи материала. Словарный принцип организации трёх ключевых разделов позволяет выстроить целостную систему персонажей и мифологизированных объектов, не ограничиваясь «самыми известными» образами и вводя

² Коблов Я.Д. *Мифология казанских татар*. Казань: Типолитграфия Императорского университета; 1910: 49.

³ *Мифологический словарь алтайцев* / сост. Н.Р. Ойноткинова. Новосибирск: ИПЦ НГУ; 2021:600.

⁴ *Мифы народов мира: Энциклопедия* / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия; 1980; Т. 1: 672; Т. 2.:720.

в круг внимания менее популярные фигуры, что расширяет представление о полноте и разнообразии татарской демонологической традиции. Применение общепринятой схемы описания персонажа обеспечивает сопоставимость материалов и предотвращает распространённую редукцию демонологии к отдельным сюжетам; включение нарративов и примеров живого бытования, а также фиксация современных культурных интерпретаций образов демонстрируют актуальность низшей мифологии как работающего культурного механизма. Книга может быть рекомендована как широкому читателю, так и научной общественности, а также как корректный «вход» в проблематику татарской мифологии и народной демонологии при сохранении академической терминологической и структурной строгости.

Об авторе

Гилемшин Флёр Фоатович – д. филол. н., доц., г. н. с. Центра письменного наследия обособленного структурного подразделения Академии наук Республики Татарстан НГБУ «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова», доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований Казанского (Приволжского) федерального университета, ORCID: 0000-0003-1957-5042, e-mail: fler.gilemshin@yandex.ru.

About the author

Fler F. Gilemshin – Doctor Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Written Heritage G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Arab Studies, Islamic Studies, and Afro-Asian Studies at Kazan (Volga Region) Federal University, ORCID: 0000-0003-1957-5042, e-mail: fler.gilemshin@yandex.ru.